

ОБРАЗ ЯПОНИИ В РОССИИ – СТАРЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В НОВОМ ОФОРМЛЕНИИ

Статья посвящена образу Японии в России. Автор сравнивает представления, сложившиеся в европейской части нашей страны в конце XIX – начале XX в. и в начале XXI в. Выбор периодов не случаен: сегодня, как и 100 лет назад, экономическое взаимодействие России и Японии достаточно слабое, межгосударственные связи не занимают ведущего положения в политической повестке, а пропагандистский потенциал СМИ используется только в моменты обострения ситуации/актуализации проблем в отношениях (русско-японская война; обсуждение мирного договора и принадлежности Южных Курил), но при этом существует мода на японское или псевдояпонское (декоративно-прикладное искусство; японизм в литературе и живописи; японская кухня; мультипликация и т.п.). В описании образа Японии начала XX в. автор использует работы отечественных и зарубежных исследователей, а также рассматривает ряд письменных источников публицистического и научного характера и образцы бульварной развлекательной литературы, ранее не анализировавшиеся в русскоязычной историографии по этой теме. Изучение современного образа Японии строится на результатах интернет-анкетирования, проведенного летом 2019 г., дополнительно привлечены данные неформализованного контент-анализа СМИ. Образ Японии как частный случай образа Другого отличается одна постоянная черта – экзотичность. Экзотичность проистекает из представлений как о «традиционности», так и о «футуристичности» Страны восходящего солнца. Любой из этих аспектов может быть оценен и негативно, и позитивно. Первая часть исследования показывает, как меняются оценки в зависимости от позиции автора источника и от исторического контекста. Опрос 2019 г. продемонстрировал преобладание положительных характеристик в образе Японии и одновременно малое влияние на этот образ СМИ.

Ключевые слова: Япония, Россия, образ Японии, образ Другого, стереотипы

Представления о Японии, складывавшиеся в России в разные исторические периоды, – уже ставшая привычной для отечественной историографии последних 30 лет тема. В разных аспектах ее рассматривали многие ученые. Особое внимание уделялось концу XIX – началу XX в.² и постсоветскому времени³. Данное исследование

Любимова Наталия Сергеевна – младший научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН (119991 Москва, Ленинский просп., 32а). Эл. почта: lyubimova@iea.ras.ru. **Lyubimova, Natalya S.** – Institute of Ethnology and Anthropology RAS (Moscow, Russia). E-mail: lyubimova@iea.ras.ru

¹ См., напр.: Молодяков 1994, 1996; Сенявская 1999; Жукова 2002, 2005.

² См., напр.: Молодяков 2011; Куланов 2007, 2010; Воробьева 2008, 2005.

посвящено сравнению образа Японии, сформировавшегося в начале XX в., с сегодняшними представлениями об этой стране.

Выбор двух периодов (отстоящих друг от друга на 100 лет) в истории «японского мифа» в России и исключение советского времени обусловлены тем, что в СССР конструирование образа Другого определялось иными факторами. Меньшее значение играла культурная политика самой Японии и международные модные тенденции, а значительно большее – государственная пропаганда, которая также имела другой вектор. Так, если в годы русско-японской войны (1905–1907 гг.) акцент делался на расовые и культурные/цивилизационные различия, то в новой классовой идеологии (после 1917 г.) – на принципы пролетарского интернационализма и классовой ненависти (Сенявская 1999: 290). Представляется, что ни до ни после отечественная пропаганда не играла такой заметной и, возможно, структурообразующей роли в формировании «японского мифа», и не случайно восприятие Японии в советском обществе большей частью исследователей этой темы рассматривается как отдельный период¹.

Интенсивное развитие образа Японии в России относится к концу XIX – началу XX в. Редкие сообщения о восточном соседе, чаще всего европейских исследователей и путешественников (т.е. из третьих рук), после установления дипломатических отношений с Японией в 1855 г. (Симодский трактат) постепенно сменились модой на восточную экзотику (в искусстве, в т.ч. театральном и прикладном, в литературе и архитектуре) и новостными сообщениями. К 20-м годам XX в. «японский миф» в России обрел свои основные черты, которые можно обнаружить и сегодня.

Изучение образа Японии на рубеже XIX–XX вв. в первую очередь основывалось на анализе текстов и образцов изобразительного искусства (живопись, карикатура, лубок и т.п.). Подавляющее большинство письменных источников этого периода – художественная, философская, публицистическая литература и научные труды – были рассчитаны на довольно узкую аудиторию, на образованные городские слои. Говорить о массовости представлений о Японии можно только с началом русско-японской войны и, следовательно, с началом пропагандистской кампании, рассчитанной на подъем патриотического духа всех слоев населения. Стоит отметить, что уже во второй половине XIX в., как пишет В.Э. Молодяков, Япония начала осваивать технику «мягкого моделирования» собственного образа: на Лондонской выставке 1862 г. была представлена коллекция образцов изобразительного и прикладного искусства, которая и легла в основу «японского мифа» в Европе (Молодяков 1996: 24).

В наше время Япония – это бренд, а его формирование и популяризация – официальные направления деятельности японского правительства (Молодяков 2011: 242–243; Куланов 2007: 116–130). Японская продукция в России, в частности электроника, автомобили, косметика и одежда, может быть, никогда не была доступна широкому потребителю, но основные японские бренды были у всех «на слуху». И хотя в последнее время все большей популярностью пользуются товары из других азиатских стран, в первую очередь из Южной Кореи и Китая, тем не менее японская продукция сохраняет широкую известность и высокую репутацию. Рестораны японской кухни многочисленны и работают в самых разных ценовых сегментах: от фастфуда до премиум-класса. А японский кинематограф, в т.ч. анимация, так или иначе знакомы каждому.

Детальное изучение современного «японского мифа» потребовало бы привлечения гораздо большего числа различных материалов, однако, чтобы проверить, насколько

¹ См., напр.: Ложкина 2007; Лившин, Ложкина 2012.

отдельные его элементы – сегодняшние и сложившиеся более ста лет назад – коррелируют между собой, можно ограничиться сравнительно небольшим исследованием. Главным источником служат результаты интернет-опроса об отношении к Японии; было проанализировано 55 анкет. Респонденты – студенты и выпускники исторического факультета МГУ (40 чел.), а также выпускники других факультетов и других учебных заведений г. Москвы (МГУ, НИУ ВШЭ, РУДН) разных специальностей («филология» – 4, «физика» – 3, «математика» – 2, «реклама и медиа» – 4, «почвоведение» – 1, «лечебное дело» – 1), т.е. это молодые люди от 18 до 30 лет, получающие высшее образование или уже завершившие учебу в вузе; большинство из них – гуманитарии (48). Кроме того, результаты анкетирования дополнены неформализованным контент-анализом нескольких крупнейших отечественных интернет-СМИ.

«Японский миф» на рубеже XIX–XX вв.

В литературе принято выделять в этот период (конец XIX – начало XX вв.) два основных аспекта в образе Японии: «живописная Япония» и «желтая опасность».

Первоначально традиционная Япония утвердилась в русском общественном сознании как экзотическая азиатская страна с самураями, гейшами и сакурой. Такое представление пришло в Россию не с востока, а с запада – из Европы – вместе с модой на японизм в искусстве (в т.ч. декоративно-прикладном – изящные сувенирные вещицы, такие как лакированные шкатулки, резные подвески и т.п.) и литературе (эксперименты с переводами или сочинение собственных хокку). Свидетельства модной моды дошли до нас, в частности, благодаря произведениям российских писателей и поэтов Серебряного века. В.Э. Молодяков метко назвал этот образ Страны восходящего солнца «живописной Японией», используя формулировку из русского названия книги французского путешественника Э. Гюмбера (*Молодяков* 1996: 56). Важно отметить, что такой образ складывался не в последнюю очередь благодаря усилиям самой Японии, стремившейся предоставить Западу доказательства своей «цивилизованности» (*Молодяков* 1996: 7–8; *Куланов* 2010: 144).

Однако после японо-китайской и уж точно с началом русско-японской войны традиционная Япония стала представляться уже не как экзотический рай, а как «желтая опасность», временно став флагманом цивилизационных вызовов Европе. Сам по себе миф о «желтой опасности» не имеет конкретной привязки ни к Японии, ни к какой-либо другой стране или народу. Так, В. Россман, анализируя развитие концепции «желтой опасности», пишет, что ее авторы и последователи чаще всего имеют в виду китайцев, однако это может быть и объединение китайцев и японцев (как у В. Соловьева), и даже союз евреев с желтой расой в их борьбе с христианством (как у русского религиозного писателя С. Нилуса, который, позаимствовав мотив желтой опасности у В. Соловьева, говорил о планах вторжения «желтых орд» в Европу как о части «еврейского заговора») (*Россман* 2003: 40). Кроме того, у «желтой опасности» было множество и других измерений, в т.ч. демографическое (многочисленность китайцев) и экономическое (развитие японской промышленности как угроза европейской).

В отличие от «живописной Японии», которая в русском дискурсе оставалась, скорее, элитарным мифом, «желтая опасность» существовала и как тема для философского и художественного осмысления (напр., в произведениях В. Соловьева, В. Брюсова, А. Белого) (*Молодяков* 1996: 111–156; 1994: 74–84), и как ши-

роко тиражируемый пропагандистский образ врага (напр., в трудах Л.В. Жуковой и Е.С. Сенявской) (Жукова 2002, 2005; Сенявская 1999). В обоих случаях «желтая опасность» была связана с представлениями о традиционной Японии. Но если в первом случае на передний план выходила культурная/цивилизационная несовместимость буддийской Азии и христианской Европы (и в частности, России), то во втором – в ход шли рассуждения о варварстве, воинственности, присущей японскому духу, и насмешки расистского характера.

В этот период появляется и новый фактор, оказывающий влияние на формирование образа Японии: восприятие модернизации эпохи Мэйдзи, осмысление и оценка новой японской реальности. Представления о модернизированной Японии также обладали и позитивной, и негативной коннотациями. Либеральные русские авторы, например М.И. Венюков (Венюков 1869, 1871) и Л.И. Мечников (Мечников 1876, 1877), с энтузиазмом воспринимали реформационное движение в Японии и оптимистично смотрели на его успехи. Модернизированная страна, по их мнению, хороша не только тем, что стремится уподобиться европейским государствам, но и тем, что это дается ей легко и даже естественно. Так, Мечников писал: «...гуманно-демократический характер (японской действительности. – *Н.Л.*) перестал удивлять меня, так как я убедился, что он вырос здесь не моментально, а на исторической народной почве», – отмечая таким образом закономерность японских преобразований (Мечников 1877: 243).

Негативное восприятие модернизации подразумевало, что все новшества, введенные императором Мэйдзи, – это наносное, маска, под которой японцы прячут свою варварскую сущность: «Любопытная в своей самобытности цивилизация делается, по мере ознакомления с нею, все противнее и противнее, так как зиждется на извращенных началах нравственного, политического и социального порядка, а пресловутые реформы <...> оказываются более наружными, чем действительными, и скорее свидетельствуют о легкомыслии народа, нежели об его талантливости» (Пеликан 1895: 3). При этом технологический прогресс, вызывавший после японо-китайской войны насмешки (европейская техника не поможет встать азиатской нации вровень с европейскими), что прослеживается по публикациям второй половины 90-х годов XIX в., во время русско-японской войны уже признавался существенным фактором, и ирония уступила место панике. Этот образ внешне модернизированной, но внутренне все еще варварской (и потому еще более опасной) страны сливается с представлениями о «желтой угрозе», придавая им еще одно измерение.

В литературе преобладает мнение, что в начале века именно негативный образ, приправленный либо паникой, либо шапкозакидательством, формировал массовое восприятие Японии в России. Однако надо отметить, что после войны агрессивный тон публикаций быстро сменился гораздо более дружелюбным. В целом образ Японии в прессе утратил оттенки неполноценности, в новых послевоенных условиях восточного соседа приходилось рассматривать как равноправного партнера – с тех же позиций, что и все остальные ведущие государства. Например, Ито Хиробуми, один из виднейших японских политических деятелей начала XX в., пользовался в России большим уважением и авторитетом, что отражалось и в прессе, где порой его даже называли «японским Бисмарком» (Самойлов 1998: 61–62). Это было лестное сравнение, причем не только для самого Ито, но и для всей Японии, поскольку через ассоциативное поле объединяло азиатскую страну с европейскими государствами. Надо, впрочем, отметить, что эта метафора использовалась не только рус-

скими газетами, например, «японским Бисмарком» назвал графа Ито в некрологе и Э. фон Бельц – немецкий врач и антрополог, много лет работавший в Японии и знавший Ито Хиробуми лично (*Kim Hoi-Eun* 2013: 181).

Примечателен и тот факт, что в этот период и японцы (как и китайцы) начинают фигурировать в качестве персонажей разного рода лубочной литературы. Американский исследователь Дж. Брукс отмечает, что китайские персонажи изображались склонными к предательству, трусливыми и выступали в качестве антагонистов, в то время как японские описывались со смесью враждебности, восхищения и уважения. Дж. Брукс называет это уважение вынужденным, обусловленным проигранной войной (*Brooks* 1985: 235, *Heldt* 1995: 176). Так, в романе «Последний перегон (Антон Кречет)» М. Раскатова (Льва Максима) и вообще во всей серии книг про Кречета – благородного разбойника, его главными врагами становятся китайцы – хунхузы, а не японцы, с которыми в это время идет война. Японские офицеры и солдаты – грозные противники, а молодой японский аристократ, плененный Кречетом, оказывается образцом благородства и даже помогает главному герою в преследовании китайских бандитов, укравших его возлюбленную¹. В сочинении «Русский богатырь» (1919 г.), как пишет Дж. Брукс, японский цирковой силач описан с гораздо большим сочувствием, чем турецкие или черные атлеты (Там же: 235). Японцы стали главными героями и двух серий детективных рассказов: «Кио-Хако, японский король сыщиков» В.А. Гладкова (*Гладков* 1917) и «Ока-Шима, знаменитый японский сыщик» неизвестного автора (Ока-Шима 1908). Эти серии появились на волне популярности детективного жанра, вызванной публикациями произведений сэра А. Конан Дойля, породившими не только «продолжения» приключений Шерлока Холмса, но и появление большого числа подобных циклов рассказов, повестей и романов (*Brooks* 1985: 141–146).

Ока-Шима описывается как человек с загадочным прошлым, сын отставного русского офицера и японки. Сюжет первого рассказа цикла основан на преступлении, совершенном «тайным судилищем» – организацией, выступающей за изгнание европейцев. Преступники – враги «европейцев и даже тех японцев, которые переделали все в Японии на европейский лад; <...> даже Микадо, который уничтожил многие постановления наших святых предков» – не гнушаются убийствами и похищениями, они приговаривают «предателей» к мучительной смерти через пытку водой, «которой пользовались предки собак иноплеменников-французов» (Ока-Шима: 14, 22). Тайное общество – не только интригующая читателя деталь, но и воплощение традиционалистской дикости, находящей аналогии лишь в Средневековье. Просвещенный Микадо помиловал преступников, позволяя «на склоне их лет доставить им возможность принести действительно пользу Японии», ведь они искренне верили, что «спасают возлюбленную ими Японию». Сыщик же радуется, что «Микадо поступил так гуманно с этими несчастными старцами» (Там же: 31). Микадо и Ока-Шима предстают в рассказе как современные, гуманные, «европейские» японцы. Не понятно, вкладывал ли автор в сюжет глубокий социальный смысл, и не будет ли натяжкой искать его в бульварном детективе, но вряд ли может оказаться простым совпадением то, что в сочинении 1908 г. поднимается тема суда правителя над своими врагами, борющимися против проводимого им курса, – получается, что японский Микадо в ситуациях разоблачения антигосударственного заговора оказывается милосерднее русского царя. Таким образом Япония рисуется как страна более гуманная, разум-

¹ *Раскатов М.* Последний перегон. СПб., 1918; цит. по: *Brooks* 1985: 235.

ная и цивилизованная. И даже если подобные соображения приписаны автору, который, кстати, предпочел остаться анонимным, все равно Япония в серии рассказов об Ока-Шима «не проявляет» своей традиционной «экзотичности», за исключением склонности к созданию тайных обществ – последние, впрочем, «обнаруживались» сочинителями детективов в самых разных странах.

В.А. Гладков, автор рассказов о приключениях Кио-Хако, ссылается на личное знакомство с главным героем и заявляет, что лишь публикует истории, которые тот рассказывает ему в своих письмах. Дж. Брукс отмечает, что Кио-Хако – явно персонаж «шерлокианского» типа: он постоянно курит трубку, обладает недюжинным интеллектом и раскрывает преступления по всему свету (*Brooks* 1985: 146); у него есть верный помощник и экономка, а также и прочие «приметы» Шерлока Холмса. Ничего «японского» (за исключением национальности самого сыщика и его друга – начальника токийского сыска Юмеса) нет даже в том рассказе В.А. Гладкова, где действие происходит в Японии: жертвой оказывается французский инженер, а преступниками – немец Циммерман и некто по имени Питер (англичанин?). Общаются между собой герои в вольном и ироничном «английском» стиле, а Кио-Хако употребляет «японизированное» выражение «слава Будде» (*Гладков* 1917: 30).

Как видим, в бульварной литературе этого периода использовался позитивный образ модернизированной Японии: японцы благородны, доблестны и милосердны, они ведут себя по-европейски – хотя, безусловно, следует признать, что перенесение места действия в Японию и выбор главных героев (японцев) преследовали цель добавить повествованию экзотический колорит.

Таким образом, к концу первого десятилетия XX в. сложились основные аспекты образа Японии (живописная традиционность; успешная модернизация; угрожающее варварство, в т.ч. под маской прогресса), к тому же они перестали быть достоянием исключительно интеллигенции, спустившись в менее образованные и более широкие слои. Однако, говоря о массовых представлениях, следует признать, что образ «положительного» японца, формируемый послевоенной бульварной литературой, был, вероятно, гораздо менее распространен, чем «желтая опасность» – образ врага, целенаправленно тиражируемый государством в военные годы.

Образ Японии в современной России (по итогам исследования 2019 г., г. Москва)

«Японский миф» в современной России существует в иных условиях, нежели 100 лет назад. Во-первых, Япония уже несколько десятилетий является одной из наиболее развитых стран мира, ее нельзя оценивать как «почти Европу», когда она во многом превзошла прежних мировых лидеров, и тем более нельзя серьезно говорить о ее второстепенности или варварстве. Во-вторых, объемы доступной информации в наши дни и в начале XX в. несравнимы. Тем не менее в сегодняшних представлениях о Японии обнаруживается много параллелей с существовавшими столетие назад.

Исследователи образа Японии в России XXI в. приходят к двум основным выводам: 1) в подавляющем большинстве случаев он положительный, 2) основные ассоциации (стереотипы) можно разделить на традиционные (сакура, гейша, самурай) и современные (автомобили, роботы, небоскребы)¹. Кроме того, в литературе отмеча-

¹ См., напр.: *Воробьева* 2008: 162–181.

ется, что по-прежнему знакомство с японской культурой в нашей стране во многом происходит опосредованно, через Запад, откуда вновь приходит мода на «японизм» (Куланов 2010: 144–154).

Прежде чем перейти к описанию результатов анкетирования, необходимо сделать ряд методологических замечаний.

В наше время уже невозможно говорить о некоем общем образе Японии на всей территории России. Очевидно, что на Дальнем Востоке не только чаще и разнообразнее могут быть непосредственные контакты с японцами, но и любые политические вопросы, связанные с отношениями России и Японии, вызывают значительно больший интерес, чем в Центральной России, где даже территориальный спор воспринимается довольно умозрительно. Кроме того, в исторической памяти приморцев, сахалинцев и жителей Камчатки Япония занимает иное место, чем в памяти москвичей или петербуржцев.

Поскольку известный нам образ Японии XIX – начала XX в. в основном отражает «столичные» (центральные) представления, без учета региональных вариантов, опрос был ограничен Москвой. При анализе СМИ выбирались крупные издания и агентства, региональные подразделения исключались (уже беглый взгляд на периферийные информационные ресурсы дал понять, что плотность и тематика новостей, связанных с Японией, там значительно отличаются от федеральных/столичных). Как уже было упомянуто, выборку составили молодые люди (18–30 лет), студенты или выпускники преимущественно гуманитарных факультетов вузов, по большей части – исторического факультета МГУ. Таким образом, речь идет не о всероссийских представлениях о Японии, а, скорее, об образе, бытующем в среде столичной образованной молодежи.

Анкета состояла из нескольких блоков. В первом, ассоциативном, предлагалось охарактеризовать возникающие в связи с Японией ассоциации (вопрос 1) и описать в трех словах Японию и ее жителей (вопросы 2 и 3). Второй блок содержал пункты о состоявшихся/возможных визитах в Японию, о том, что человек хотел бы увидеть там. В третьем выяснялось, есть ли у респондента какой-то особенный личный интерес к японской культуре или ее отдельным проявлениям, в четвертом – насколько часто человек сталкивается в своей жизни с чем-то японским. Пятый блок был посвящен репрезентации Японии в российских СМИ; он был введен, чтобы понять, оказывает ли освещение новостей, связанных Японией, какое-то влияние на ее восприятие. В заключение респондентам было предложено отметить по шкале от 1 до 5, насколько велик их интерес к японской культуре и насколько положительно они относятся к Японии, а также ответить на вопрос, согласились ли бы они поехать в Японию на работу, и объяснить свой ответ.

В анкетировании приняли участие 55 респондентов – 41 женщина и 14 мужчин. Только у двух опрошенных текущая деятельность связана с Японией. Бывали в Японии 6 человек, хотели бы побывать (в т.ч. повторно) – 51, не хотели бы – 4 человека. Кроме того, 22 человека отметили, что интересуются японской культурой, 20 – что нет (МА 2019).

В ряду ассоциаций, связанных с Японией, чаще всего фигурировали: сакура (18 упоминаний), суши (13), самураи (13); только 2 человека не назвали ни одной «традиционной» ассоциации. При этом слово «технологии» здесь упоминалось всего 5 раз, но в ответах на следующий пункт анкеты («охарактеризуйте Японию как стра-

ну») преобладают варианты, связанные с высоким уровнем развития Японии (слово «технологии» встречается 16 раз, «прогрессивная» – 5, «развитая» – 5, «современная» – 4 раза; всего 32 слова из того же ряда). 19 человек упомянули «анимэ» (Там же). Таким образом, в структуре современного «японского мифа» «традиционная/живописная Япония» и «современная Япония», как и ранее, существуют параллельно. Однако, не стоит отбрасывать эту дихотомию. Хотя почти каждый респондент так или иначе упомянул оба аспекта образа Японии, в ряде случаев наблюдается явное доминирование одного из них. Кого-то завораживает эстетика традиционной Японии (что не означает, разумеется, что эти люди верят, что страна не изменилась), а кого-то привлекает в первую очередь Япония небоскребов и передовых технологий (Там же).

Очень многие респонденты тем или иным образом отразили ощущение чуждости японского «менталитета»¹ и культуры. Так, 6 человек описало японцев как «странных», 14 – саму страну как «странную» и 19 человек отметили, что отказались бы от работы в Японии из-за разницы в менталитете и большой культурной дистанции. Следовательно, «странность» – почти такая же частотная характеристика Японии и/или японцев, что и «традиционность» или «прогрессивность». При этом еще 5 человек описали Японию, поставив рядом слова «современная» и «традиционная». Этот оксюморон также выдает возникающее у респондентов ощущение экзотичности (МА 2019). «Экзотичность» всегда была базовой характеристикой «японского мифа» и, судя по всему, таковой и остается, однако если 100 лет назад российская публика удивлялась (реже ужасалась) японским чудесам с явственным колониальным оттенком, то сейчас это удивление носит, пожалуй, более отстраненный характер и уже не основано на прямом сравнении с Западом.

Блок вопросов об отражении Японии в СМИ изначально был введен с целью выявить элемент «желтой угрозы» в любом проявлении в представлениях респондентов, однако можно сказать, что в целом эта попытка оказалась неудачной. Идея эксперимента появилась в связи с тем, что в 2019 г. одной из самых обсуждаемых в СМИ новостей, связанных с Японией, был визит в Москву Синдзо Абэ и, соответственно, проблема мирного договора и спор о принадлежности Южных Курил. Крупнейшие сетевые издания в основном подают информацию в сухом повествовательном стиле, не пытаясь чрезмерно играть на эмоциях читателей, хотя уже сам новостной повод не позволяет назвать эти публикации дружелюбными. Проправительственные СМИ (Russia Today, Газета.Ru)² неукоснительно поддерживают официальную точку зрения, оппозиционные (Медуза)³ – обращают внимание на нюансы истории и международного права, которые делают позиции обеих сторон неоднозначными, но и те, и другие информационные ресурсы практически не обращаются к каким-либо традиционным атрибутам Японии (такого рода статьи пишутся и о США, и о европейских странах). Пожалуй, только в таблоидах освещение этой темы приобретает ярко выраженную эмоциональную напряженность. Так, например, «Комсомольская правда» в январе-феврале 2019 г. опубликовала ряд репортажей и интервью, касающихся спора о Курилах. Несмотря на весьма достойный уровень отдельных материалов, в целом статьи отчетливо напоминают те, что появлялись накануне и в пер-

¹ Термин «менталитет» не отражает теоретических установок автора, однако он был использован в анкете, поскольку давно вошел в бытовой язык и упростил выделение культурного аспекта, связанного с коммуникативными и поведенческими паттернами.

² Напр.: Бовдунов, Комарова 2019; Раскатали губы... 2019.

³ См.: Карцев 2019.

вые месяцы русско-японской войны: искренняя вера в непогрешимость отечества; взгляд свысока на восточного соседа (в наши дни с тем обоснованием, что войну-то он проиграл); подчеркивание комичного в поведении собеседников-японцев (они «кричат», их аргументы в лучшем случае спорны, а то и вовсе бессвязны). Но наиболее ярко о позиции редакции говорит выбор героев репортажей. «Комсомольская правда» печатает три интервью: с именитым журналистом из консервативной газеты (Асламова 2019а), с националистом, отрезавшим себе палец в знак протеста против того, что острова Токто после Второй мировой войны отошли к Южной Корее (Асламова 2019б), и с приверженцем идей японского милитаризма, вдохновляющегося Муссолини и Гитлером (Асламова 2019в). В результате японцы предстают перед читателями диковатыми и очень агрессивными – вполне в духе «желтой опасности».

Респонденты действительно вспоминали курильские сюжеты, предлагаемые СМИ: 14 человек упомянули территориальные споры и еще четверо «русско-японские отношения» как наиболее запомнившуюся тему за последний год (вопрос 28); 19 человек назвали Южные Курилы и 1 человек – отношения между нашими странами как самую значимую проблему, связанную с Японией, за последние пять лет (вопрос 29). Кроме того, 11 человек написали про отречение императора и шестеро – про природные и техногенные катастрофы в вопросе 28, и еще 20 человек отметили катастрофы, чаще всего на АЭС Фукусима, в вопросе 29. При этом, отвечая на вопрос: «Вызвала ли у Вас особенный интерес какая-либо из этих тем? Если да, то почему?» (вопрос 30), – только 5 человек написали про русско-японские отношения и Курилы, объяснив свое отношение тем, что это «связано с Россией», что они проявляют интерес к международной политике вообще, или тем, что «было бы красиво» (по-видимому, имея в виду мирный договор). Самый распространенный ответ на этот вопрос – «нет»: 12 человек указали, что ни одна из связанных с Японией тем в СМИ не вызвала интереса, 6 респондентов написали про катастрофы, 7 – про новости культуры или спорта; ряд ответов авторы объяснили особыми личными интересами (религия, китобойный промысел, экология и т.п.) и профессиональными целями (МА 2019). Таким образом, хотя тема территориального спора привлекает внимание многих респондентов, она не вызывает серьезного эмоционального отклика. Скорее более значимой им представляется проблема заключения мирного договора (как новая страница в международных отношениях или новые возможности для туризма и культурного обмена с Японией), а не собственно история противостояния и взаимных претензий.

В качестве наиболее интересных (вопрос 27) большинство респондентов отметило новости культуры (42 чел.) и науки (30 чел.), информацию о происшествиях (23 чел.) и вопросы мировой политики (22 чел.) (МА 2019). Таким образом, можно сделать вывод, что репрезентация Японии в отечественных СМИ не играет решающего значения для формирования представлений об этой стране, тем более что большинство опрошенных указало, что встречает связанные с ней новости довольно редко: «Не очень часто (примерно раз в месяц)» – 31 человек, «Почти никогда» – 18 человек и только шестеро выбрали вариант «Очень часто/регулярно/я состою в соответствующих сообществах».

Особенно незначительным влияние СМИ представляется в сравнении с данными о потреблении японской продукции. Почти все респонденты едят блюда японской кухни и пользуются японской электротехникой, и как минимум половина участников опроса знает марки японской косметики и одежды (Рис. 1).

Рис. 1. Потребление японской продукции

Ответы на вопрос о культурном потреблении дают не менее характерный результат (Рис. 2). Абсолютное большинство респондентов отметило, что интересуется (очень/иногда) живописью/графикой/фотографией (24/24 чел.), архитектурой (23/20 чел.) и анимэ (19/22 чел.). Интерес вызывают также японская музыка и литература.

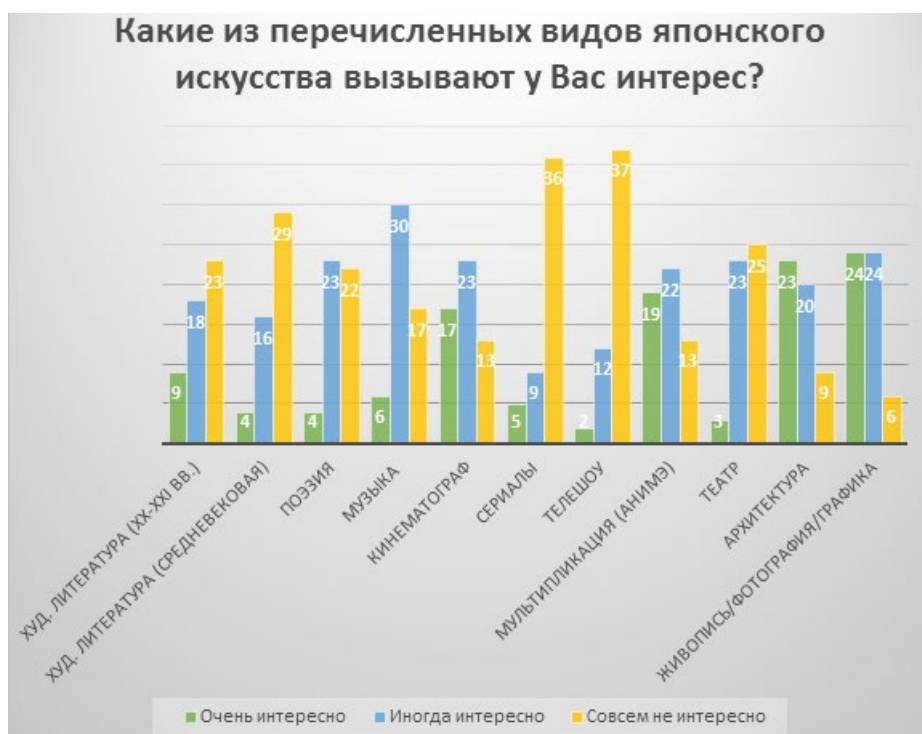

Рис. 2. Интерес к японскому искусству.

Полученные результаты говорят о том, что знакомство с японской продукцией играет гораздо большую роль в восприятии Японии современной столичной молодежью, нежели политика, несмотря на периодические обострения отношений между нашими странами и сдержанные попытки отечественных СМИ способствовать подъему на этой почве патриотических настроений.

* * *

Подводя итоги, можно сказать, что современный «японский миф» обнаруживает значительное сходство с образом Японии начала XX в. – периода между русско-японской войной и революцией. Негативные аспекты восприятия сегодня, как и 100 лет назад, отходят на второй план, при этом в наше время совершенно исчезает мотив «цивилизационного конфликта», а «желтая опасность» (в первую очередь в демографическом смысле) ассоциируется, скорее, с Китаем (Коновалова 2011: 74–81).

Положительный образ, напротив, весьма развит, он проявляется в двух измерениях: и японская традиционность, и «европейская» современная (хай-тек) современность обладают значительной притягательностью. При этом лейтмотивом образа Японии остается экзотичность – абсолютная непохожесть, инаковость японцев. Рассуждая об этом, трудно не вспомнить о знаменитой монографии Р. Бенедикт (Бенедикт [1946] 2007), в которой она отметила даже в научных текстах непонятную западному читателю противоречивость как отличительную особенность описаний Японии и японцев. Монография выстроена на противопоставлении японской культуры американской, а порой и шире – западной и попытках передать «стандарты мысли и поведения» японцев в терминах, понятных американцу, например, через аналогию с финансовыми отношениями в США. Р. Бенедикт как антрополог, представитель психологического направления пыталась расшифровать загадочную Японию, нарисовать понятную для западного человека схему мышления, гуманизировать японцев в глазах своих читателей – ведь писалась книга во время Второй мировой войны и по заказу американских военных.

Для массового восприятия привлекательна инаковость Японии и «инопланетность» ее жителей. Есть что-то тревожащее в том, с какой легкостью дегуманизируются японцы обывательским сознанием даже при вполне положительном отношении к ним. «Да они марсиане вообще!» – подобные иронично-восхищенное формулировки можно зачастую услышать в частной беседе. Представляется, что, несмотря на всю современную японофилию, ее легко можно будет превратить в японофобию, если перед нашими элитами встанет такая задача.

Сходство современного и досоветского образов Японии обнаруживается и структурное, и содержательное. При этом сложно говорить о генетической преемственности, поскольку в советский период этот образ формировался в первую очередь отечественной пропагандой, а не культурной политикой самой Японии и, таким образом, представляет собой иной конструкт. Возвращение в начале XXI в. «японского мифа» к тому виду, который он имел 100 лет назад, объясняется, скорее, общими закономерностями формирования схожих образов Другого в схожих условиях – а условия эти действительно похожи, хотя за это время мир изменился, казалось бы, до неузнаваемости. Несмотря на многократное увеличение объема доступной информации и развитие коммуникационных технологий, географическая дистанция

продолжает играть серьезную роль, превращая даже, на первый взгляд, актуальные политические проблемы в умоглядные политологические или юридические кейсы и придавая далеким странам романтический флер.

Благодарности

Автор статьи выражает благодарность к. и. н. Трынкиной Дарье Александровне (ИЭА РАН) за помощь в разработке и апробации анкеты, а также за значимые замечания и советы в ходе подготовки статьи.

Источники и материалы

- Асламова* 2019а – *Асламова Д.* Оставить нельзя передать: есть ли решение у проблемы Южных Курил // Комсомольская правда. 11.02.2019. <https://www.kp.ru/daily/26940.5/3991172>
- Асламова* 2019б – *Асламова Д.* Из-за потерянных территорий японцы отрезают себе пальцы // Комсомольская правда. 23.01.2019. <https://www.kompravda.eu/daily/26932/3982683>
- Асламова* 2019в – *Асламова Д.* Японские правые: Хотим дожить до того дня, когда Япония победит! // Комсомольская правда. 12.02.2019. <https://www.kp.ru/daily/26940/3991695>
- Бовдунов, Комарова* 2019 – *Бовдунов А., Комарова Е.* «Предстоит долгая и кропотливая работа»: чего ожидать от переговоров Путина и Абэ в Москве // RT на русском. 22.01.2019. <https://russian.rt.com/world/article/595127-putin-abe-peregovory-kurily>
- Венюков* 1869 – *Венюков М.* Очерки Японии. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1869.
- Венюков* 1871 – *Венюков М.* Обзорение Японского архипелага в современном его состоянии. СПб., 1871.
- Гладков* 1917 – *Гладков В.А.* Кио-Хако, японский король сыщиков. М.: Правдивость, 1917. Вып. 1–8.
- Карцев* 2019 – *Карцев Д.* Южные Курилы всегда были российскими? Правда ли, что Россия собирается отдать их Японии? Кому и зачем они нужны? Стыдные вопросы о Курильских островах // Медуза. 16.01.2019. <https://meduza.io/feature/2019/01/16/yuzhnye-kurily-vsegdayili-rossiyskimi-pravda-li-chto-rossiya-sobiraetsya-otdat-ih-yaponii-komu-i-zachem-oni-nuzhny>
- Мечников* 1876 – *Мечников Л.И.* Эра просвещения Японии (Мей-Дзи) // Дело. 1876. № 10. С. 133–170.
- Мечников* 1877 – *Мечников Л.И.* Эра просвещения Японии (Мей-Дзи) // Дело. 1877. № 2. С. 242–275.
- Ока-Шима* 1908 – *Ока-Шима*, знаменитый японский сыщик. Харьков: тип. И.А. Цедербаум, 1908. Вып. 1.
- Пеликан* 1895 – *Пеликан А.* Прогрессирующая Япония. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1895.
- Раскатали губы... 2019 – Раскатали губы: почему Курилы не достанутся Японии. В чем причина активизации разговоров на тему Южных Курил // Газета.Ru 11.01.2019 https://www.gazeta.ru/comments/2019/01/11_e_12124627.shtml
- МА 2019 – Материалы автора. Результаты интернет-анкетирования; июнь 2019 г.

Научная литература

- Бенедикт Р.* Хризантема и меч. СПб.: Наука, 2007 [1946].
- Воробьева П.Ф.* Стереотипные образы России и Японии (по материалам социологического опроса и обзорного анализа литературы) // Ежегодник Японии. 2008. № 37. С. 162–181.
- Жукова Л.В.* Восприятие Японии в России накануне русско-японской войны // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия / Отв. ред. А.В. Голубев. Вып. 2. М.: ИРИ РАН, 2002. С. 341–356.

- Жукова Л.В. Формирование «образа врага» в русско-японской войне 1904–1905 гг. // Военно-историческая антропология. 2003/2004. М.: РОССПЭН, 2005. С. 259–275.
- Коновалова О.С. Формирование термина «Желтая экспансия» относительно образа Китая в средствах массовой информации // Вестник РУДН. Серия «Литературоведение, журналистика». 2011. № 3. С. 74–81.
- Куланов А.Е. Культурная дипломатия Японии // Ежегодник Японии. 2007. № 36. С. 116–130.
- Куланов А.Е. «Третья сила» в формировании имиджа Японии в начале постсоветской эпохи – потребительский аспект // Ежегодник Японии. 2010. № 39. С. 144–154.
- Лившин А.Я., Ложкина А.С. «Образ власти» и «образ другого» в 1930-е гг.: политические задачи и пропаганда // Государственное управление. Электронный вестник. 2012. Вып. 35. http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2012/vipusk_35._dekabr_2012_g./iz_istorii_upravlenija/livshin_lozhkina.pdf
- Ложкина А.С. Формирование «образа врага»: Япония в советской пропаганде 1930-х гг. // Государственное управление. Электронный вестник. 2007. Вып. 13. http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2007/vipusk_13._dekabr_2007_g./lozhkina.pdf
- Молодяков В.Э. Историософия и геополитика: Валерий Брюсов о Востоке // Общественные науки и современность. 1994. № 4. С. 74–84.
- Молодяков В.Э. «Образ Японии» в Европе и России второй половины XIX – начала XX века. М.: ИВ РАН, 1996.
- Молодяков В.Э. Япония в меняющемся мире. Идеология. История. Имидж. М.: МОНОГАТА-РИ, 2011.
- Росман В. Призраки XIX века: «желтая опасность» и еврейский заговор в европейских сценариях заката Европы // Параллели. Русско-еврейский историко-литературный и библиографический альманах. № 2–3 / Ред. К.Ю. Бурмистов. М.: Дом еврейской книги, 2003. С. 11–52.
- Самойлов И.А. Ито Хиробуми: образ японского государственного деятеля в российском восприятии (начало XX века) // Из истории религиозных, культурных и политических взаимоотношений России и Японии в XIX–XX вв. / Сост. и отв. ред. В. С. Белоненко. СПб.: Фонд по изучению истории православной церкви. 1998. С. 50–68.
- Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке. Исторический опыт России. М.: РОССПЭН, 1999.
- Brooks J. *When Russia Learned to Read: Literacy and Popular Literature, 1861–1917*. Princeton: Princeton University Press, 1985.
- Heldt B. “Japanese” in Russian Literature: Transforming Identities // *A Hidden Fire: Russian and Japanese Cultural Encounters, 1868–1926* / Ed. J.T. Rimer. Stanford: Stanford University Press, 1995. P. 170–183.
- Kim Hoi-Eun. *Measuring Asian-Ness: Erwin Baelz’s Anthropological Expeditions in Fin-de-Siecle Korea* // *Imagining Germany, Imagining Asia: Essays in Asian-German Studies* / Ed. V. Fuechtner, M. Rhiel. N.Y.: Boydell & Brewer, 2013. P. 173–186.

References

- Benedict, R. (1946) 2007. *Khrizantema i mech* [The Chrysantemum and the Sword]. St. Petersburg: Nauka.
- Brooks, J. 1985. *When Russia Learned to Read: Literacy and Popular Literature, 1861–1917*. Princeton: Princeton University Press.
- Heldt, B. 1995. “Japanese” in Russian Literature: Transforming Identities. In *A Hidden Fire: Russian and Japanese Cultural Encounters, 1868–1926*, edited by J.T. Rimer, 170–183. Stanford: Stanford University Press.
- Kim, Hoi-Eun. 2013. *Measuring Asian-Ness: Erwin Baelz’s Anthropological Expeditions in Fin-de-Siecle Korea*. In *Imagining Germany, Imagining Asia: Essays in Asian-German Studies*, edited by V. Fuechtner and M. Rhiel, 173–185. New York: Boydell & Brewer.

- Konovalova, O.S. 2011. Formirovanie termina “Zheltaia ekspansia” otnositel’no obraza Kitaia v sredstvakh massovoi informatsii [The Development of the Term “Yellow Peril” in Relation to the Image of China in Mass-Media]. *Vestnik RUDN. Seriya: “Literaturovedenie, zhurnalistika”* 3: 74–81.
- Kulanov, A.E. 2007. Kul’turnaia diplomatiia Yaponii [Cultural Diplomacy of Japan]. *Ezhegodnik Yaponiia* 36: 116–130.
- Kulanov, A.E. 2010. “Tret’ia sila” v formirovanii imidzha Yaponii v nachale postsovetsoi epokhi – potrebitel’skii aspekt [“The Third Force” in Development of the Image of Japan in the Beginning of the Post-Soviet Era – the Consumer Aspect]. *Ezhegodnik Yaponiia* 39: 144–154.
- Livshin, A.Ya., and A.S. Lozhkina. 2012. “Obraz vlasti” i “obraz drugogo” v 1930-e gg.: politicheskie zadachi i propaganda [“Image of Power” and “Image of the Other” in the 1930s: Political Goals and Propaganda]. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik* 35. http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2012/vipusk__35._dekabr_2012_g./iz_istorii_upravlenija/livshin_lozhkina.pdf
- Lozhkina, A.S. 2007. Formirovanie “obraza vruga”: Yaponiia v sovetskoii propagande 1930 gg [The Development of the “Enemy Image”: Japan in Soviet Propaganda in the 1930s]. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik* 13. http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2007/vipusk_13._dekabr_2007_g./lozhkina.pdf
- Molodiakov, V.E. 1994. Istoriosofia i geopolitika: Valerii Briusov o Vostoke [Historiosophy and Geopolitics: Valerii Briusov on the Orient]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost’* 4: 74–84.
- Molodiakov, V.E. 1996. “Obraz Yaponii” v Evrope i Rossii vtoroi poloviny XIX – nachala XX veka [“Image of Japan” in Europe and Russia in the Second Half of the 19th – Beginning of the 20th Century]. Moscow: IV RAN.
- Molodiakov, V.E. 2011. Yaponiia v meniaiushchemsia mire. Ideologiya. Istorii. Imidzh [Japan in the Changing World: Ideology, History, Image]. Moscow: MONOGATARI.
- Rossmann, V. 2003. Prizraki XIX veka: “zheltaia opasnost” i evreiskii zagovor v evropeiskikh stsennariakh zakata Evropy [Ghosts of the 19th Century: “Yellow Peril” and Judeo-Masonic Conspiracy in European Scenarios of the Decline of the West]. In *Paralleli. Russko-evreiskii istoriko-literaturnyi i bibliograficheskii al’manakh* [Parallels. Russo-Jewish Historical, Literary, and Bibliographical Almanac], edited by K.Yu. Burmistrov, 2–3: 11–52. Moscow: Dom evreiskoi knigi.
- Samoilov, I.A. 1998. Ito Hirobumi: obraz yaponskogo gosudarstvennogo deiatelia v rossiiskom vospriiatii (nachalo XX veka) [Ito Hirobumi: Image of the Japanese Statesman in Russian Perception (Beginning of the 20th Century)]. In *Iz istorii religioznykh, kul’turnykh i politicheskikh vzaimootnoshenii Rossii i Yaponii v XIX–XX vv.* [From the History of Cultural and Political Relations of Russia and Japan], edited by V.S. Belonenko, 50–68. St. Petersburg: Fond po izucheniiu istorii pravoslavnoi tserkvi.
- Seniavskaia, E.S. 1999. *Psikhologiya voyny v XX veke. Istoricheskii opyt Rossii* [Psychology of War in the 20th Century: Russian Historical Experience]. Moscow: ROSSPEN.
- Vorobieva, P.F. 2008. Stereotipnye obrazy Rossii i Yaponii (po materialam sotsiologicheskogo oprosa i obzornogo analiza literatury) [Stereotypical Images of Russia and Japan (According to the Sociological Survey and General Literature Review)]. *Ezhegodnik Yaponiia* 37: 162–181.
- Zhukova, L.V. 2002. Vospriatie Yaponii v Rossii nakanune rusko-yaponskoi voiny [The Reception of Japan in Russia on the Verge of Russo-Japanese War]. In *Rossiia i mir glazami drug druga: iz istorii vzaimovospriiatiia* [Russia and the World in Each Other’s View: from the History of Mutual Reception] 2, edited by A.V. Golubev, 341–356. Moscow: IRI RAN.
- Zhukova, L.V. 2005. Formirovanie “obraza vruga” v rusko-yaponskoi voine 1904–1905 gg [The Development of the “Enemy Image” in Russo-Japanese War]. In *Voенно-istoricheskaiia antropologiya. 2003/2004* [Historical Military Anthropology. 2003/2004], 259–275. Moscow: ROSSPEN.

Lyubimova, Natalya S.

Image of Japan in Russia: old elements in a new arrangement

This article compares the image of Japan in Russia in two periods of time: at the end of XIX – beginning of the XX c. and in modern days. It reviews the images existing in the European part of Russia. Chronological periods were chosen for comparison based on some shared traits: both economical and political relations between the two countries are relatively weak, so the mass-media potential for propaganda is only used at times when a certain political problem becomes relevant (Russian-Japanese war/ the peace treaty problem and the Kuril Islands dispute), while there also is a fashion for Japanese or pseudo-Japanese products (japonisme in art, incl. decorative arts and literature/ Japanese cuisine, cartoons etc.). The image of Japan at the beginning of the XX c. is described based on literature with the use of journalistic and scientific publications. In addition, the author used pulp fiction as a source, which has not been previously done in research by Russian scholars. Analysis of the modern image of Japan is based on the results of a questionnaire survey, conducted via Internet in June 2019, and supplemented by the non-formalized content analysis of the on-line mass media. Image of Japan as special case of an image of the Other has one permanent trait – it is exotic. This exoticism comes from the notion of Japanese traditionalism as well as from perceiving Japan as a futuristic land. Both of these aspects can have negative or positive connotations. The historical part of this research shows how these connotations shift depending on the historical context and views of a particular author. The 2019 survey demonstrated the predominance of positive characterizations in the modern image of Japan and also that mass-media have little effect on this image.

Keywords: Japan, Russia, image of Japan, the Other, stereotypes